

СООТНОШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО И РЕПРЕЗЕНТАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПОСТДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Голтарева И.Б.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Вторая половина XX – начало XXI вв. характеризуются интенсивным ростом числа демократических государств, может быть, как никогда в мировой истории. Согласно данным Freedom House, на конец XX века 85 государств из 192 являлись по своему конституционному устройству демократическими (59 – полудемократическими, 48 – авторитарно-тоталитарными), что соответствует примерно 44% от общего числа государств. Однако, несмотря на это, а скорее всего, именно поэтому (кризис «перепроизводства») сегодня мы сталкиваемся с кризисом демократии, обусловившим явление, получившего у исследователей название постдемократии, понимаемой К. Краучем как систему, в которой продолжают действовать традиционные демократические институты (парламент, выборы, партии и др.), но которая со временем все больше приближается к преддемократическому, олигархическому состоянию [1, с. 35-36]. Постдемократия ставит много вопросов, в том числе, о соотношении персонализированного политического управления и репрезентативного, выраженного политическим участием. Сторонники модели реальной демократии, скептически относящиеся к политическому участию, усматривают в репрезентативном отборе исчерпывающую функцию демократии, сторонники же республиканской модели [2, с. 14] отводят институту представительства большую роль: самоутверждение и укрепление народного суверенитета в противостоянии власти, развитие и дифференциация гражданских прав и т.п.

Это принципиальное отличие лежит в основе постдемократических дебатов о содержании демократии [3, с. 276-277]. Именно с этой точки зрения, не вызывает доверия постдемократическое состояние каждой из тех политических систем, которые лишь формализуют демократические институты и процессы (в частности, политическое участие), что сводит роль гражданского общества (как компонента народного суверенитета) к формальному субъекту властеотношений. И хотя сегодняшняя реальная демократическая политика и предполагает, и содержит в своем арсенале обмен мнениями, ведение диалога между государством и обществом, индивидуальное участие и другие компоненты демократии, однако при этом она постдемократична («колонизация» государства крупным бизнесом [4, с. 4], делегитимация политических акторов и институтов, все больше действующих под влиянием отдельных частных групп интересов, снижение ответственности политиков за общественное благополучие и т.п.), поскольку сводит политическую борьбу/конкуренцию к формальным процедурам. Публичные дискуссии заменяются компромиссами и соглашениями, преимущественно, в тех вопросах, в которых прямо заинтересована правящая элита, проблемы же большей части общества остаются нерешенными.

Демократические институты (политический плюрализм, партийная конкуренция, разделение власти, политическое участие, автономия гражданских ассоциаций, самоуправление и т.д.) отличаются от постдемократических несопадением легитимации политических действий посредством реального политического участия («выборы – контролируемый спектакль» и проч.) [5, с. 13-14]. Легитимность в данном случае означает не только и не столько стабильность и функциональность политической власти, сколько признание/непризнание данного политического порядка общественным большинством, в принципе, это вопрос о том, какой объем демократии и многое то, что с ней связано (социальная дифференциация, общественная ассоциированность, полицентрие, плюрализм и т.д.) способно «переварить» общество в наступившей постдемократии.

Выделенные К. Краучем такие признаки постдемократии, как а) формальное сохранение демократических институтов и процедур, которые хотя уже и не отвечают политической реальности в плане незначительного влияния на результаты принятия решений («output»), но все еще не утратили своего нормативного значения, б) замена активных политических действий граждан на персонализированные стратегии выборов, в) усиление влияния крупного бизнеса на содержание государственной политики, г) фактическое редуцирование (уменьшение значимости, упрощение) гражданских свобод при формальном их декларировании – всё это служит подтверждением основного синдрома постдемократии – «политического вождизма» или – усилению лидерского компонента политического управления. Иначе говоря, происходит замещение института представительства институтом политического лидерства, в первую очередь, за счет усиления исполнительной власти, что сопровождается депарламентаризацией, нередко называемой постпарламентской демократией, появлением своего рода феномена «демократия без народа» [6, с. 9-10].

В постпарламентской демократии, скорее, выражаются стремления и амбициями политиков, чем политические предпочтения электората или интересы больших социальных групп. Такая демократия требует и соответствующего типа политического лидерства – антрепренерского (по аналогии с антрепренерской системой рекрутирования политической элиты М. Вебера). В политической системе постдемократического периода граждане оказывают заметно меньшее влияние на процесс принятия решений, вместо этого всё заметнее проявляется на политическом рынке политик-менеджер – образ политика (или партии), чьи шансы быть избранным повышаются в зависимости от того, насколько оперативно он найдет ту часть неудовлетворенного, недовольного существующим положением вещей электората, на которую другие участники предвыборной борьбы не обращают внимание, и включит их требования в свою политическую программу. Политический антрепренер (или менеджер), в отличие от рыночного предпринимателя, заботится не о максимизации прибыли, а о максимизации голосов избирателей, вместо рыночного механизма он использует механизм выборов. Однако такой тип политика ориентирован в своей деятельности не на

широкий спектр запросов и желаний граждан, а в первую очередь, на инновации в политике, он формирует политическую повестку дня, а также те политические предпочтения и последующие одобрения граждан, которые сам же и заложил в свою избирательную программу. Воспринимая демократический процесс по аналогии с рыночным, он заменяет (или переносит) демократию политического участия на консюмеризм, потребительские интересы и движения. В результате, избирателя смещает потребитель, а политика – «организатор (антрепренер) политического рынка».

Репрезентативная демократия, идеал которой – отзывчивость власти к общественному мнению (ее конструктивная реакция на артикуляцию интересов и потребностей общественных групп), принцип выработки решений, предполагающий, что избранные представители должны делать то, что хочет большинство, заменяется патерналистской ответственностью власти перед гражданами (вместо «демократии народа» предлагается «демократия для народа»), что значительно сужает активность граждан при «входе» в политическую систему, а вместе с тем, и их ответственность за собственное благополучие, зато расширяет ответственность политического класса на «выходе» из системы, а, следовательно, увеличиваются его права и полномочия по управлению народом-потребителем.

По мере развития постдемократии происходит изменение политической легитимации, усиливаются государственно-управленческая и экономическая элиты в качестве главных акторов политического управления, которым противостоят малоактивные, аполитичные граждане. В странах с устоявшейся западной демократией электорат сегодня менее активен, чем прежде: сокращается членство в ведущих парламентских партиях, у оставшихся верным партии членов снижается активность общественной деятельности и т.п. Как отмечает.

П. Майер, «после 100 лет электоральной демократии» ее значение начинает снижаться. Западная политическая элита, покидая политическое поле выборных баталлий, перемещается в государственные учреждения, находя там относительный покой, в отличие от нестабильной и полной неожиданностей парламентско-электоральной деятельности [7, 13-14]. Эту образовавшуюся пустоту заполняют различного рода недемократические образования, организации и практики, серьезно подрывающие основы демократии, переиначивая ее на потребительский лад.

Смещение акцента на легитимацию «на выходе» фокусирует внимание исключительно на результатах политических процессов, воспринимаемых сегодня как политиками, так и большей частью общества как основной критерий демократии. Такое понимание легитимации, скорее, создает препятствие демократической стабилизации, ее успешному развитию, в то время, как показывает опыт западной демократии, она как нуждалась, так и нуждается в легитимации на «входе», обеспечиваемой гражданской активностью, разнообразием форм политического участия и т.п. Поэтому сохранение таких значимых элементов демократии, как вовлечение общественных групп в демократический процесс и идентификация их с

политическими решениями, могли бы помочь справиться с явными издержками постдемократии: негативным восприятием всего политического («отвращение к политике»), социальной апатией, политическим бессилием и т.п. Сегодня это относится не только к транзитивной, но и к западной демократии, утрачивающей спрос на организованное политическое участие (рост абсентеизма, массовые уличные беспорядки и т.п.).

Новое пострепрезентативное измерение демократии показывает, что постдемократия благоприятствует преимущественно образованному и умеющему артикулировать свои интересы состоятельному классу: именно представители этих слоев являются активными участниками гражданских инициатив, неправительственных организаций и т.п., в то время как средне- и малообеспеченные слои населения, мигранты и т.п. здесь встречаются нечасто (по сравнению с демократией начала XX в., находившей свое выражение в социально-структурированных движениях рабочего класса, крестьянства и др.).

Изменение структуры демократического участия можно объяснить как реакцию на общественные перемены: индивидуализация социальной жизни, возросший консюмеризм и т.п., которые не всегда соответствуют традиционным формам политического участия. То, что сегодня необходимо менять формы участия особенно хорошо видно на примере российских политических партий, по сути, так и не ставшими таковыми по многим причинам, не последней из которых – неумение агрегировать и артикулировать различные, противоположные интересы электората. Нельзя не отметить, что спад добровольного участия в выборах компенсируется разного рода неорганизованными общественными движениями «против и за», явно свидетельствующими о противостоянии официальных и неофициальных (последствия последних трудно предсказуемы) форм участия на фоне растущей делегитимации власти.

Если демократическое политическое управление означало систему координации, регулирования и контроля структур политико-социального единства – государства и общества, частных и общественных организаций, если исполнительная власть (правительство), являясь его исходным пунктом, в сочетании с законодательной властью (парламент, партии, фракции) и общественными институтами (партии, группы интересов), действуя в рамках закона, реализовывала поставленные политические цели национального государства, если для этого использовались ожидаемые обществом способы политического управления (убеждения, агитация, призывы, государственное регулирование посредством законов, правил, дозволений и запретов, государственное финансирование, реализация политических целей путем оказания финансовой поддержки, налоговых льгот и т.п.), то постдемократическое политическое управление сужается до техники и технологии управления, оставляя за скобками демос с его положительными и отрицательными качествами.

Предполагалось, что политическая культура зрелой демократии должна быть основана на стремлении и, возможно, заинтересованности политических акторов в соблюдении служебной этики (идеальный тип бюрократии М.

Вебера). Однако, как показал опыт демократических стран, демократия сама по себе не означает признание управленческим персоналом обязательным нравственное самоусовершенствование. Хотя конституции развитых демократий и предусматривают правовую и политическую ответственность политических лидеров, акторов, верхушки государственного аппарата, институционально обеспечивая режим контроля над их служебным поведением (конституционное судопроизводство, парламентский контроль, контроль над соблюдением баланса между правительственным большинством (в случае выборного правительства), с одной стороны, и парламентской оппозицией, с другой), это еще не обеспечивает «хорошее политическое управление», которое измеряется, прежде всего, output-легитимацией. Как отмечает Л. Хельмс, в рамках концепции делиберативной демократии, большое значение придавалось «новому стилю управления», дополнившему триаду А. Линкольна «правительство народа – из народа – для народа» четвертым элементом – «правительство с народом», главная идея которого – поощрение развития разнообразных форм партнерства власти и гражданского общества: открытое правительство, транспарентность принятия решений [8, с. 7], публичные структуры по защите прав граждан и т.п. Хотя, потенциал делиберативного демократического процесса продолжает оставаться спорным, никто не исключает возможные позитивные результаты демократического политического лидерства: от улучшения качества принятия политически значимых решений до повышения уровня социальной легитимации политики принятия решений.

Если прежде – в XIX-XX вв. – дилемма легитимности выражалась в ориентации на два ожидаемых результата в государственном управлении: либо рост демократии (свобода слова, печати, расширение прав меньшинств и т.д.), либо усиление действенности государственного управления посредством регламентации политического плюрализма – проявление синдрома «больше власти», то со второй половины XX в. в связи с набирающей силу тенденцией образования крупных межгосударственных союзов (ЕС, АСЕАН, СНГ и т.д.) возникает трилемма легитимации: к первым двум опциям прибавляется третья – максимизация выгоды, пользы. Это значит, что, в зависимости от ожидаемого результата, достижение легитимного управления возможно тремя способами:

- легитимация через демократизацию политического управления (input-легитимация), т.е. легитимация через требования, запросы, интересы совокупного общества;

- легитимация через эффективность и максимизацию выгоды многоуровневого управления (output-легитимация), т.е. легитимация посредством результата «переработанных» требований;

- легитимация через ориентацию на классическое национальное государство, так называемая «социальная легитимация» [9].

Демократическая легитимация осуществляется, прежде всего, при помощи парламентской демократии, т.е. приоритет в решении проблемы легитимации имеет фактор политического участия при «входе» в политическую систему. Субъекты принятия решений в такой модели несут ответственность

непосредственно перед электоратом. Слабость партийной системы и низкая ассоциированность общества создают помехи для полноценного развития парламентской демократии, снижая, тем самым, уровень легитимации.

Легитимация через действенность и максимизацию выгоды политического управления означает, что оно приобретает одобрение в случае убеждения большинства в том, что данная система управления выгодна и приносит ощутимую пользу. Здесь на первом месте стоит вопрос, каким образом улучшить принятие решений при «выходе» из системы в пользу совокупных общественных интересов?

Согласно концепции «социальной легитимации» (Вайлер, Шиммельфенниг и др.) [9] только в отдельном национальном государстве могут возникать структуры, обеспечивающие полноценные демократические процессы в соответствии с национальными традициями, политической культурой, правовой системой и особенностями государственного устройства/

Список литературы

1. **Крауч, К.** *Постдемократия [Текст]/пер.с англ. Н.В. Эдельмана; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 192 с. – ISBN 978-5-7598-0740-7.*
2. **Steber, M.** *Legitimität und Partizipation // Demokratie, Recht und Legitimität im 21. Jahrhundert.- Mandana Biegi; Jürgen Förster; Henrique Ricardo Otten; Thomas Philipp (Herausgeber). – Wiesbaden: VS Verl. für Sozialwiss, 2008. – S. 13-27. – ISBN 978-3-531-15200-4.*
3. **Хабермас, Ю.** *Политические работы / Сост. А.В. Денежкина; пер. с нем. Б.М. Скуратова. – М.: Праксис, 2005. – 368 с. – ISBN 5-901574-43-5.*
4. **Mouffe, C.** *«Postdemokratie» und die zunehmende Entpolitisierung // Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ). – 1-2/2011. – 3. Januar 2011. – S. 3-5. – ISSN 0479-611 X.*
5. **Jörke, D.** *Bürgerbeteiligung in der Postdemokratie // Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ). – 1-2/2011. – 3. Januar 2011. – S.13-18. – ISSN 0479-611 X.*
6. **Ritzi, C., Schaal, G. S.** *Politische Führung in der «Postdemokratie» //Aus politik und Zeitgeschichte (APuZ). – 2-3/2010. –11. Januar 2010. –S. 9-15. – ISSN 0479-611 X.*
7. **Mair, P.** *Ruling the Void. The Hollowing of Western Democracy. – <http://www.versobooks.com/> Verso Books, 2009. – 208 pp . – ISBN 978-1-844-67324-7.*
8. **Helms, L.** *Leadership-Forschung als Demokratiewissenschaft // Aus politik und Zeitgeschichte (APuZ). – 2-3/2010. –11. Januar 2010. – S. 3-8. – ISSN 0479-611 X.*
9. **Hoereth, M.** *Warum sich das Vereinte Europa mit der Demokratie schwer tut? //International Politics and Society.-1998.-. No 1.; Weiler, J.H.H. After Maastricht: Community Legitimacy in Post-1992 Europe // Singular Europe. Economy and Polity of the European Community after 1992. – Michigan, 1992; Schimmelfennig, F. Legitimate Rule in the European Union. Tuebinger Arbeitspapiere zur Internationalen Politik und Friedensforschung. –Tuebingen, 1996. – No 27.*